

Наталья Карпова
НАД ТЕМНОЙ ВОДОЮ КАНАЛА

Наталья Карпова
НАД ТЕМНОЙ ВОДОЮ КАНАЛА

ШЕШТАЯ
КНИГА
СТИХОВ

Санкт-Петербург 1994

* * *

В давние годы я диктанты писала в школе.
Их оценивала учительница по шкале
«от двух — до пяти».

Речь шла о существительном,
прилагательном и глаголе...
По каждому счету, предъявляемому тебе, — плати.

Плати за ошибки грамматические,
допущенные в диктантах,
Плати за ошибки сердца, ослепленного диктантом любви,
Плати за ошибки в делах, пока живешь в дилетантах
У времени хватких людей, строящих храм на крови.

Нет ничего тайного...
Услышано, сказанное впотьмах.
Свеча под кроватью давно превратилась в огарок.
Наши поступки, помыслы — взвешиваются на весах.
И все о нас известно на небесах.
И ничего на свете не достается даром.

* * *

Быстронога, черна печаль, как африканский бегун.
Хорошо бы ее прогнать, да лезет вором в карман.
И если ты не богат, не удачлив, не юн,
Придется вкусить ее предательство и дурман.

Ты станешь еще бедней и съежишься под пятой
Печали, и тут как тут — бесенок, ее сынок.
Мне кажется, что печаль повисла над всей страной —
На Север спешит, на Юг, на Запад и на Восток.

* * *

Украдкою, урывками писать
И год, и пять, и шесть, и двадцать пять...
Строкою жаркой душу обжигая.
И страшный хоровод
Событий, весь их ход,
Рывком опережая.

Я так пишу — украдкою, боясь,
Что кто-нибудь мою откроет связь
С планетами другими, временами.
Бумаги извела я вороха.
Ах, если бы была я без греха,
Сама в себя я запустила б камень.

* * *

Вечерней Невой надышаться успею,
Покамест до дома дойду.
И может быть, в мыслях былых преуспею,
В дороге держа на звезду.

Она не сорвется, не бросится в бездну,
А будет манить, торопить.
И в том, что казалось уже бесполезно,
Наметится легкая нить.

И странно, увижу — ампир и барокко
Меня провожают домой.
И то не звезда уже — вещее око
Над городом и надо мной.

* * *

Храм на Крови над темной водою канала.
Спас Вседержитель виден издалека.
Сколько лет прожито, а сделано так мало!
Здесь мы — на миг, Божий Храм — на века.

Как тяжело стоять у креста и распятья,
Скорбями, болезнями путь к спасенью ища.
Город, великий город простирает объятья,
Сумерки мне на плечи набрасывает вроде плаща.

Храм на Крови над темной водою канала.
Стою, трепеща, молитву творя.
Бес за душой охотится, наподобье шакала.
Год девяносто третий, пятое сентября.

* * *

Скоро будем платить по счетам, дни нещадно летят.
Мы стареем, и время состарилось вдруг, в одночасье.
Перемены к плохому приелись. Нас, словно котят,
Продолжает лукавый топить, проповедуя счастье.

В одиночку спасаются, крест непосильный неся,
И, подобно апостолу, вмиг отрезвев, горько плача...
Отреклись мы от Господа двадцать столетий спустя,
Став рабами греха и безродною сворой собачьей.

Говорили, что жить хорошо и что жизнь хороша,
Не держа даже в мыслях, пройдет ли мытарства душа?

* * *

Э. К.

Разделив на двоих годы жизни, печальной и дикой,
Кое-как мы пробились, пройдя нищеты лабиринты.
Коммунисты выходят на праздники с красной гвоздикой.
Как мне все они чужды! Мне нужен, и вправду, один ты.

В этой лживой стране мы росли, бились в этой системе.
Слава Богу, что рано друг друга во тьме отыскали.
Мы чего-то достигли, участвуя в массовой сцене.
Место действия нам очертили стальными тисками.

Время действия — дети XX века и съезда.
Хорошо, что успели шагнуть мы навстречу друг другу.
Ничего не хочу: ни наград, ни богатств, ни отъезда...
Но прошу тебя, крепче сожми и держи мою руку.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА

В кафе за рюмкою ликера? Коньяка?
Она сидит, не вглядываясь в лица,
Жизнь продлевая. Смерть наверняка
Придет — и нет причины веселиться.

Мир изменился, стал он — одинок.
Муж умер, друг оставил, сын женился...
Упал на лоб неловкий завиток,
Сползли очки, чулок неловко сбился.

Седого пепла горка выросла
В стеклянной пепельнице. В рюмку молча плача,
Она припоминает скрип весла,
Букет цветов, хмельной фокстрот на даче.

В кафе за рюмкой коньяка? Вина?
Она сама с собою сводит счеты,
Дивясь тому, как возросла цена
За каждый день, как дешёвы банкноты.

Но скоро подойдет официант —
Не все же раны беречь ей, бредить.
Всплывает черный креп и белый бант,
И снова скрип весла и белый лебедь...

БАНКОВСКИЙ МОСТ

Этот мостик, уже многократно воспетый в стихах,
И меня пригвоздил... Стерегут мою память грифоны.
Облупившейся краски чешуйки висят на хвостах,
И канал Грибоедова снегом покрыт закопченным.

В двух шагах переполненный зал предварительных касс.
Катит тихо коляска, курсанты проносятся мимо...
Пригвозждают места городские любого из нас
К светлой памяти, горькой, любой, если неуголима.

Как меняется время! И нету уже колдовства
Сумасшедших влюбленностей, вымыслов, бредов,
кошмаров.

Стерегут этот мостик крылатые два существа,
И даны крылья памяти людям, конечно, недаром.

Поверну я к местам Достоевского, там поброжу,
А потом вдоль канала отправлюсь домой, восвоюси.
Как меняется время! Опять я им переброжу,
Но билета к себе не куплю в предварительной кассе.

СЧАСТЬЕ

Выпало
Счастье родиться,
Счастье трудиться,
Может быть, даже пробиться?
Только куда и зачем?
К бухте надежной прибиться,
Решить сто теорем.
Может быть, даже влюбиться,
Только в кого и зачем?
В пространство вцепиться
Во времени сем.
Огромное счастье
Состариться
И не разбиться,
Не утопиться,
Не отравиться...
Выпало
Счастье
Птенцом из гнезда.
Кошка сказала: «Съем!»
Гремит железная музыка,
Танцуют счастливые юноши,
Танцуют счастливые девушки —
И никаких проблем.

* * *

Опоздание на поезд чревато, чревато...
Проторчишь на заплеванном, скучном вокзале,
Встав в безумную очередь в кассу возврата,
К телефильму вполглаза прильнув в шумном зале.

Затрапезный буфет и кочевье, кочевье —
Рюкзаки, чемоданы, портфели, коляски...
Пролезают в окно фонари и деревья,
Вылетают с экрана задорные пляски.

Спит мужчина, флиртует с красоткой военный,
Кто способен, читает газеты, журналы...
Как прообраз страны, нет, вернее, Вселенной
Этот пестрый вокзал, где мы все неформалы.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Под окном машина «скорой помощи».
Лучше и не думать бы о ней.
Так светло мне было этой полночью —
Столько звуков, замыслов, огней!

Но кого-то на носилках вынесут
И положат в узенький фургон.
За окном мелькнут дома и вывески,
Фонари, дорога, небосклон...

И уже не дорожа мгновением
И полночным часом золотым,
Окажусь я рядом с этим пленником
И умчусь в страданья вместе с ним.

* * *

Славный трамвайчик бежит,
Пришпоренный временем
И постоянным маршрутом.
Мелькают места детства...
Выбрасываюсь из памяти
Под цветным ее парашютом.
Стоят дома новые,
Современного кроя.
Они меня знать не знают,
Старых — нет и следа.
За каждый шаг по жизни
Я с детства платила болью.
Зачем же с такой любовью
Возвращаюсь сюда?
Славный трамвайчик бежит,
Сворачивая к Расстанной.
Трамвайчик, пришпоренный временем,
Из которого выпадаю.
Жалкое детство, растрепанное,
Когда же я с ним расстанусь?
Словно дитя бездомное,
К груди его прижимаю.

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Детство прошло у канала Обводного.
О, сколько времени было свободного,
Чтоб свой район зазубрить назубок,
Вдоль прошагав его и поперек.

Детство осталось раной сквозной
В памяти. Сверстник стоит за спиной.
Режутся в карты с утра пацаны,
Спасу от лиговской нету шпаны.

На барахолке — она в двух шагах —
Бродят фигуры в цветастых штанах,
Ноги у них двухметровой длины,
Но не обманут — ходули видны.

Люди торгуют, снуют и орут,
Держит старушка какой-то лоскут,
Кошки-копилки таращат зрачки,
Бабочки-брошки, брелки-паучки.

Ах, поспешите сюда на часок,
В этот отживший, оживший раёк!
Вот знаменитый бумажный ковёр:
Глянцевый лебедь, бескрайний простор.

Снимки артистов из западных стран,
Булочек сдобных пьянящий дурман,
Бедная мама с котомкой невзгод,
Кукол моих за гроши продает.

Детство прошло у канала Обводного,
Послевоенное детство голодное.
Но, словно губка, вбирала душа:
«Жизнь — хороша, хороша, хороша!»

МАМИНО ПЛАТЬЕ

Мама продавала любимое платье.
На барахолке «шел» креп-сатен.
Я любовалась открыткой: в объятых
Блондинку крепко держал шатен.
Маленький голубь белел в уголке.
У блондинки был бантиком рот.
Продавец ткнул маму: «Купите дочке
Открытку, вы видите — это фокстрот
Танцует пара, мадам, и, кстати,
Взгляните на эти открытки еще...»
Наконец продано было платье,
И мама сжала мое плечо.
Мы торопились унести ноги,
Заплатить за комнату, хлеба купить...
Мы знали — горшки обжигают не боги,
Много наук успевали постичь.
Странные люди,
Обыкновенные люди.
Как мы хотели выжить!
И не боялись голода, холода, выжиг,
Трусов, при виде нас переходящих на другую сторону,
Щедрых прохожих, порой подающих копейку.
Ночами я слышала страшные мамины стоны
И вместо подбитой вороны
Стала изображать из себя канарейку.

Мамино платье из ателье «Смерть мужьям»
Вышагивало нам навстречу, обтягивая толстые бедра.
«Мама, не огорчайся, смотри, какой хлам —
Платье твое», — фальшивила я, тараторя бодро.
Маленькая, я научилась взрослым словам.
Я бы тогда вцепилась в руку любого
Обидчика. Да и кто у нас есть вообще, кроме мам?
Еще один маг, освещающий жизнь, — СЛОВО.

1950 ГОД

Ежедневно на скрещенье двух весьма безликих улиц
В непогоду и в морозы, в старом латаном пальто
Появлялась моя бабушка, опустив глаза, ссутулясь,
Руку голую протягивала — может быть, поможет кто.

Кто поможет? — Нищих много, а среди людей приличных
Единицы подавали — у самих карман прогнил.
От шикарных лимузинов и нарядов заграничных,
До этапов и Гулага, лазаретов и могил
Было близко. Мост незримый связывал земные бездны.
Но старушка собирала по копеечке на хлеб.
Часто дома говорили: «Все усилья бесполезны.
Если в храм вселились свиньи,
вместо храма ходят в хлев».

Бабушка моя... Когда-то целовал ей ручки Репин,
Пели Собинов, Шаляпин... Да чего там вспоминать!
Так и вижу те две улицы, словно высохшие реки,
И фигурку беззащитную, и оскаленную пасть
Времени, его утробу — ненасытную, гнилую,
Что оборвышей колючих не могла переварить.
Но сегодня повторяют: «Аллилуйя! Аллилуйя!»
Можно жить, коль чистят храмы, если вновь свеча
горит.

* * *

Детство твоё — уродец,
Юность — двуличный зверек.
В славное время,
В славной стране
Ты жил — душе поперек.
И вдруг прозрел и ложный путь обнаружил...
Наг. перед Господом, беспомощен, безоружен.

Хватает за горло детство,
Подлая юность — душит.
В славное время
В славной стране
Нам растлевали души.
И вот в прозрении страшном рыдаю среди икон,
И возвращаюсь к жизни с собственных похорон.

* * *

Интернаты, спецшколы с английским,
французским уклоном,
Аттестаты, дающие баллы, — так стало теперь.
А когда-то указка мне в сердце вонзилась уколom,
Был учитель растрепан, кричал и рычал, словно зверь.

И сидели вокруг хулиганы — девчонки, мальчишки,
Второгодники, бедные дети из бедных семей,
Переживших войну. И я прятала руки-ледышки
Под передник. А в школу сгоняли отцов, матерей,
У кого они были. И все мои двойки и тройки
Без конца обсуждались, как, впрочем, и всех остальных.
Крикнуть хочется: «Старые, тяжкие двери откройте,
Дайте вырваться мне из кошмара учений стальных!
Дайте мне поучиться сегодня, к примеру, в немецкой
Замечательной школе, другой получить аттестат!»
Но из двери открытой — той, старой, доносится детский
Умоляющий голос: «Зачем? Возвращайся назад!»

Человеку любому дано пережить свое время,
То, в котором он учится, любит, страдает, умрет.
Не продлится ничто — ни на год, даже —

ни на мгновенье.
Ни одно достижение душевной тоски не уймет.

ПАПУАС

Ничего ужасней средней школы
Не встречала я в стране советской.
Одураченные комсомолом,
Мы возрастали с психикой недетской.
Но была отдушиною класса
География. Ведь наш учитель —
Пьяница, был прозван папуасом.
Он смотрел, как сквозь увеличитель,
Так глаза его шальные лезли
Из орбит. Забыты были книги.
Он ходил в великом затрапезье,
Да и жил, подобно прощелыге.
Он порой не мог попасть указкой
В материк и плавал в океане.
Волосы торчком, под красной маской
Билась мысль о мелочи в кармане.
И покуда класс наш улюлюкал
И над ним подтрунивал по-русски,
Плыл в волнах учитель и баюкал
Мысли о портвейне и закуске.
Иногда к земле Мадагаскара
Прибывало нас, порой — к Аляске.
Нам казалось, что учитель старый
С нами говорил по-папуасски.

Но никто его судьбою странной
Не был возмущен иль озабочен.
Нравилось нам плыть в чужие страны
По одной из жизненных обочин.
Ни доносов не было, ни жалоб
На учителя от подопечных.
Так и помнится он — страшен, жалок,
В страшной школе, в годы дел заплечных.

ДНЕВНИКИ СТАРШЕКЛАССНИЦ

В дневниках различаются лишь имена
Драгоценные — Димы, Андреи, Сережи...
Там цитаты из книг, там брожение ума,
Рассужденья о долге, добре, молодежи.
О несчастной любви. Разделенной любовь
Быть не может. Тогда дневники не ведутся.
Пишут школьницы Вера, Надежда, Любовь...
Сердце хрупкое можно разбить, словно блюдце.

Нет, не надо читать дневников, если их
Охраняют от глаз. Подглядела я в щелку:
В школьной форме сижу и рыдаю в дневник,
Без конца теребя непослушную чёлку.

НА КАТКЕ

Мелькают руки, ноги, лица,
Перчатки, шапки и шарфы,
Гирлянды, мишура, шары...
Хрипит в динамике певица.

Кружётся пестрый хоровод,
Морозцем обжигает щеки.
Душа, уродец одинокий,
Не отставай, беги вперед!

Картинки, как в немом кино.
У входа в раздевалку — давка.
Дышать мешает шарф-удавка,
Торгуют бойко эскимо.

Верзила вдруг тебя собьет,
И ты, стыдясь, летишь нелепо,
Хватаясь за поребрик неба,
Глотая слезы, снег и лед.

О сколько вечеров, каток,
Ты вырвал из моей копилки!
Горят глаза, дрожат поджилки,
Я — зритель, ученик, игрок!

Дешевый шлагер так пьянит,
И столько красок, бега, смеха,
Что сам себе здесь — не помеха,
Никем не узнан, не открыт.

* * *

В душном спортзале провозглашались танцы.
После «железного» занавеса вдруг, словно свои,
С новеньких дисков стали петь для нас иностранцы,
Юности нашей жалкой щедрые соловьи.

«Домино», «Марекьяре», «Бе-са-ме-мучо»...
Прямо из отрочества в сердце стучат,
И веселят, и дразнят, и мучают,
И первой любви разверзают ад.

Все, как известно, проходит,
Все — суета сует.
А может, до смерти в нас бродит
Кровь прожитых лет?

* * *

Изменился даже образ, даже облик.
Человека не узнала бы я сразу,
Если бы не этот голос, этот оклик,
Не ершистая мальчишеская фраза.

Изменился, изменился мой приятель.
Хуже? Лучше? Для меня совсем неважно.
Время — самый удивительный ваятель,
Присмотритесь, убедится в этом каждый.

Но так странно... Как тетрадка сшита скрепкой,
Скреплены и нашей жизни эпизоды
Школьной партой, белым бантом, серой кепкой,
Группой «Битлз», Брижит Бардо на гребне моды.

Патефоном скреплены, и Пастернаком,
И ершистою мальчишескою фразой.
Оклик детства... Не бегу за этим знаком,
Я его и узнаю теперь не сразу.

* * *

Ах, поблуждать бы, словно лет и не было,
И юность нас еще не миновала,
Дорогой вдоль канала Грибоедова
От Невского до Крюкова канала.

И замереть остолбенело, встретившись
С голубизной Никольского собора,
Пока друзья, по-детски в воду свесившись,
Ведут запальчивые разговоры.

Так создан человек — он новым зрением
В былое смотрит, сам того не ведая.
Меняются года и поколения,
Пока иду каналом Грибоедова.

ДОМ

Я заучила назубок
Подъезд, число ступенек,
Квартиры номер, дверь, глазок,
Нужду, нехватку денег.

Я и сейчас хочу взлететь
На тот этаж четвертый.
Но кто откроет мне — Бог весть,
Мой век здесь — перечеркнут.

Бесцветный дом — наискосок
Заросший скверик школьный.
Я заучила назубок
Свой опыт подневольный.

И незачем спешить сюда,
Как встарь, сбежав с урока.
Не повторю я никогда
Здесь отбытого срока.

* * *

Та квартира ничем хороша не была,
Коридор коммунальный, ведро да метла
Для субботних уборок.
За окном — школа, улица, старый ларек...
Здесь — учебник, сверлящий сознание зверек,
Мыслей спутанных ворох.
Дни, недели, событий подгнившая нить...
Невозможно, увы, ничего изменить —
Отвернись от себя же.
Есть другие дела, и по горло забот.
Но мешает мне, как неоплаченный счет,
Это прошлое, полное бед, и невзгод,
И страстей, и ошибок.
Там пустая девчонка торчит из окна,
Каждый шаг ее — зыбок.
Разъедает мне душу былая вина
И прозренья — без скидок.

НА ШКОЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

И впрямь белый свет на мгновенье померк.
А через мгновенье — ты вниз, я наверх.
Ступеньки,

ступеньки

мелькают в глазах...

Меня подгоняют смятенье и страх.

Но как я хотела бы крикнуть вослед:

«Ты глух!

Ты ослеп!

Уйди навсегда,

Если так!»

* * *

Удивишься далекой любви романтической,
От которой страдал, угасал и взрывался.
Просмотрев свою жизнь, словно фильм исторический,
Покружившись слегка в ритмах старого вальса.

И плечами пожмешь. Сколько сердца растрчено!
Сколько времени этим пожарищем выжжено!
Жили мы в государстве, где все раскулачены,
Как лишенцы, — возможно, любовью и выжили?

* * *

Старого человека называла учителем,
Чтобы слово «учитель» — озвучить и очеловечить.
Хотя был он брюзжащим и утомительным,
На бродягу похожим в рваном тулупе овечьем.

В шляпе, забывшей год своего появления,
С тростью и старым портфелем, тянущим вниз.
Как архаизм, на глазах моего поколения,
Весь его облик — до боли живой архаизм.

Старого чудака называла профессором.
Крошкой хлеба был сыт и вином золотым
Римских стихов — то Катулла читал, то Проперция,
И говорил про дороги, ведущие в Рим.

Нет его рядом — мальчишки не давятся со смеху,
Стала беднее реальность, обыденней быт.
Но так и кажется, вот он — лицом к подлокотнику
В кресле обшарпанном дремлет, а время стоит.

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Тех, с кем прошла наша юность, пожалуй,
Мы не всегда и припомним, но все же
Юность сама в нас сидит, словно жало,
Как ни стараемся, вырвать не можем.

2

Время течет и сечет, изменяя
Наши черты. Но, пока еще бьется
Сердце, — я знаю, что доля земная,
Как испытанье, любому дается.

* * *

Эта улица никуда не выходит,
Так обманчив на первый взгляд
Угол дома дальнего, дворик, сад,
Крыш высоких нестройный ряд.

Шапка облака зацепилась за крышу.
Дворник шаркает в двух шагах.
Грязный мальчик в грязных штанах
Вылез из лужи с монеткой в руках.

Собака долго тычется в ноги,
Прохожие здесь довольно редки.
И дразнит облако с правой руки,
И, кажется, — недалеко до реки.

Эта улица никуда не выходит,
Но, как неверующий Фома,
Идешь, наталкиваясь на дома,
В кривое пространство, в его закрома.

В этой улице есть ощущение дороги...

* * *

Зимним утром выйдешь из трамвая.
В сотый раз свой город открывая,
И замрешь... Великолепье дня,
Рвущееся в душу превосходство
Набережной, всадника, коня,
Всех деревьев — их сродство и сходство.
Свежий снег, одевший сквер, гранит,
Зданья, фонари, Петровы плечи...
Да спасет нас город! Да хранит
Наши неожиданные встречи!

* * *

Написано много, да вовсе не тянет в редакции,
Где сонмища пишущих бродят и нету бумаги.
Пора бы журналам решиться на смелые акции,
Закрыться от авторов, выбросить белые флаги.

Написано много, не знаю, что делать с написанным.
Такое, брат, время — народу нужны эмигранты.
А если ты здесь о любви свою песню насвистывал,
Глазей, как причудливо были разыграны фанты.

Вдруг мысль обожжет — да читают ли люди поэзию?
Вокруг обнаженная проза, бушуют собрания...
А ты, словно йог, то по углям идешь, то по лезвию,
Не зная, какое готовят тебе наказание.

СТИХОТВОРЦЫ

И ты безнадежную прозу души
Попробуешь в рифму облечь.
Коль скажут тебе, что стихи хороши,
Решишь, что игра стоит свеч.

И он, и она, и они посягнут
Строку возводить за строкой.
Покажется им по плечу этот труд,
И в тягость труд станет другой.

Возможно, в деяньях своих не вольны
Ни он, ни она, ни они...
Здоровые люди вдруг стали больны,
Не выйти им из западни.

Отряд стихотворцев растет и растет,
Опарой растет на дрожжах.
И ты бесподобен, и этот, и тот...
Кто лучше — потомки решат.

* * *

Думала, друга мне подарила дорога.
Долго прощались мы, так и не договорив.
Поезд насвистывал бодренький старый мотив,
Небо над самой землею лежало полого.

Но расплывались черты, и казалось пустым
Дачное это знакомство. Развеется дым
И от костра, и от бьющей в лицо папиросы.
Если столкнемся, возможно, и договорим,
Но никогда не погасим друг к другу вопросы.

Небо склонилось над самым сердцем моим.

* * *

Я бы и двести лет тебе не писала,
Если бы ты оставил меня в покое.
Нет ни любви, ни рвущего душу вокзала —
Молодость носит вещи другого покроя.

Нет между нами уже никаких реалий.
Разве что тысячи авиакилометров.
Что мне привет из Канады или Австралии
От постаревшего, чуждого сердцу мэтра?

Каждый себе выбирает земную участь.
Каждому Бог дает его испытанья.
Я ни тоской, ни разлукой давно не мучусь.
Жизнь коротка, и не будет переиздания.

* * *

О любви теперь не пишут, о любви не говорят,
Разъедает публицистика наши души день за днем.
Но порой хватает за сердце ветвь рябины, листопад,
Взгляд случайного прохожего, Моцарт,
старый книжный том.

О какой любви? — Эротика, порнография в цене.
Рассекретили — и вспыхнула фейерверком эта тьма.
В городах все больше юношей с кобурой на ремне,
А взрывчатка самодельная переполнила дома.

Значит, нету больше трепета, мук, безумия, тоски?
От любви сердца не высохнут?
В ребра крылья не врастут?
Время — алчное, бесстыдное, подтяните пояски!
Ведь бежит, бежит сумятица — и хватает, словно спрут.

* * *

Когда заходишь в кинотеатр днем,
Всем безразлично, почему один ты.
Морозный город за дверным стеклом
Сверкает жалкой жизнью магазинов.

Ты изо рта еще пускаешь пар,
Еще в карманах куртки греешь руки...
Как бездуховен стал репертуар!
Что ж, кинобизнес тоже греет руки.

Советская эротика, ввозной
Боевичок, пустой, третьеразрядный...
Спектр тем однообразный, прописной
Для молодежи жадной и всеядной.

Когда заходишь в кинотеатр днем,
То можешь спрятаться от одиночеств.
И никому нет дела, кто ты? В чем?
Чем болен? Что, вообще, на свете хочешь.

Тем паче, что забившись в темноте
В обшарпанное кресло на галерке,
Тыходишь в жизнь чужую, как и те,
Кто все еще от собственной в восторге.

* * *

Досадуем, брюзжим, умеем досаждать
Другим и доводить родных своих до точки.
Досадуем на жизнь — теряем благодать.
Как древоточец-жук, досада душу точит.

Досадуем, брюзжим, ни света, ни тепла
У друга на лице, у встречного — тем паче.
Встречаем день в плену бетона и стекла,
Не думая о том, что Богом предназначен
И дождь, и дым, и весь
Безмозглый путь овец,
Которых, как слепец,
Ведет по жизни спесь.

Но, прожигая жизнь, досадуем, брюзжим,
И потакаем лжи, и служим празднословью.
Придет и смертный час, он — неопровержим.
Костлявая рука все ближе к изголовью.

КОТЕНОК

Стоит персидский котенок три тыщи рублей.
Цены растут, неизвестно сегодня, что ценно.
Вот он глядит, как глядит на него ротозей,
Бедный котенок — устало глядит и надменно.

Что он сумел в человеческом взгляде прочесть?
Что человеку сказали кошачьи глазищи?
Как под гипнозом, стоял покупатель, Бог весть
Сколько минут — и достал из кармана три тыщи.

А по стране бродят тыщи котов и собак,
Брошенных всеми, болтаются люди-бродяги
По чердакам и подвалам, на всех бедолаг
Не запасутся товарами пром и продмаги.

Нет, не волнуют котенка проблемы страны,
Не беспокоят собачьи, людские заботы.
Знает он цену себе — выше всякой цены,
И закрывает глаза, не скрывая зевоты.

1988

В ДОРОГЕ

Забудусь, задремлю... Стучат в висках
Колеса, кони мчатся табунами.
Потом на яркой западной рекламе
Танцуют girls... И вдруг в оконной раме
Рисунки Гойи, Герника... Не страх
Меня разбудит — чей-то голос рядом:
Старушка, к заоконным звездам взглядом
Припав, читает медленно псалом,
Пронзительный псалом пятидесятый...
И пролетают села за окном,
И вижу я, что времена разъяты.

* * *

Я была далеко, но сегодня, как встарь,
У друзей собрались мы.
Разговором взахлеб отправляемся вдаль,
К пониманию истин.

Разговором так нужно насытиться нам —
Самым близким по духу.
Но ударят часы — и пора по домам,
На прощание — руку!

Может, встреч долгожданной и нет потому,
Что, всегда сокровенный,
Разговор пробивается к свету сквозь тьму
Жизни внешней и брэнной.

* * *

Люблю выбегать на звонки,
Друзьям открывать.
В беседе мешать пустяки,
На стол накрывать.

И знать — разговор перейдет
К заветным, большим
Вопросам душевных невзгод,
К надеждам живым.

Пусть выбор у нас невелик,
Но все-таки есть,
Чтоб делать, как совесть велит,
Как требует честь.

* * *

Наконец, растерянных собратов
По перу собрать мне удалось.
Длился съезд народных депутатов.
За гвоздем вбивался новый гвоздь
В мирозданье, ветхое насквозь.

Окрики, хлопки и нетерпимость
К здоровым мыслям, боли... Торжество
Большинства, и все ж непримиримость
Многих с этой мерой «большинство».
Кризис, перемен необходимость.

И, когда мы обсуждали речи
Депутатов, предложенья с мест,
Понимали, что противоречий
Жизни — устранить не сможет съезд,
Столько языков у нас, наречий...

Да и наши дни на мелководе —
Высыхают реки наших дней.
Но растут событий новых гроздь,
Насыщая и травя людей.
Век двадцатый отпустил поводья...
1990

* * *

Как немного людей, с кем насытиться можно беседой,
Взгляд на вещи сверяя и радуясь общности тем,
Без которых нельзя обезвредить постигшие беды,
Разрешить хоть одну из коварных земных теорем.

Больше тех, с кем не хочется встреч
и случайных застолий,
Тех, кто в мыслях твоих далеко от тебя отстоит.
Но звонит телефон, и болтает поэт-алкоголик
Про большую поэму, безденежье, острый цистит.

Как немного людей дорогих... А с годами все меньше.
Ищешь выход из бездны, оставшись один. И тогда
Открываются светлые ризы: притронься, надень же!
Отрываясь от жизни, похожей на биржу труда.

* * *

Скрипит надоедливо дверь
В темницу надежд —
Семь раз поначалу отмерь,
Один раз отрежь.

Но знаю, что кровь горяча —
Удержишь с трудом.
Все чаще рублю я с плеча
И плачу потом.

* * *

Вот и мы потеряли последних из самых близких.
Живы, живы они! Даже можно им дозвониться.
Но их нету в Питере — ни квартиры нет, ни прописки,
И гражданство у них другое. А между нами — граница.

Как же так получилось — взрастить сорняк нищеты
На чужих просторах придется и близким, кровным
Людям? — ...Бежать от нашей тщеты
К райским кущам — иллюзия —
в мире насквозь греховном.

* * *

Из-за этих проклятых болезней весь март на клочки
Стал изодран. Весна — а хожу оборванкой.

Чтобы скрыться, отвлечься —

я режусь с утра «в дурачки»

С третьеклассником ветреным Вовой,

что болен ветрянкой.

Он уже поправляется, но целый день бы играл,

Так его закружили в азарте валеты и дамы.

Вьется очередь длинная в винный на целый квартал —

Город ожил, тепло — веселей не создать панорамы.

Заплати — твой портрет нарисуют за десять минут.

Город ожил, и люди толпятся, острят, продают...

Старики семянят, спекулянты, цыганки снуют,

Короли и шестерки повсюду, валеты и дамы.

* * *

Программы радио, программы телевидения...
Сбываются великие предвидения
Пророков: глады, моры по местам,
Тайфуны, смерчи, паводки, холера...
И вспыхивают войны тут и там,
И словно древних христиан в вольеры
Бросают в пасти тюрем тех, чья речь
И действия диктаторам противны.
Программы и точны, и объективны.
В криминогенной зоне мы живем.
И не светла печаль, и не надежен дом.

* * *

Переполненное метро, Невский, превращенный
В человеческую реку, все чаще бурлящую...
Классический город, новым временем
порабощенный,
Оказался в тисках своего настоящего.

Интуристы, лимитчики, проститутки, фарцовщики,
Согнутые в три погибели жалкие старики,
Инвалиды в колясках, разные проектировщики
Партий, программ... И на каждом шагу — тупики.

Что же будет с нами?
С великим городом нашим?
Поднимем красное знамя
И бодренько им помашем?
А если новое знамя
Вдруг взвоется над нами?
Не полыхнет ли пламя,
Как когда-то, кострами?

* * *

В зрелые годы тоже пугает сиротство:
Нет у родителей, и родных не осталось.
То есть — поддержки в старших уже не найдется.
Нет и поддержки юных, ведь детей не рождалось.

Вот и болтаешься ты где-то посередине
Века, а значит, прожил уже не мало.
Но, как в утробе матери, пуповиной растешь к пуповине,
Так срастаешься с временем, пока тебя не оторвало.

* * *

Итак, уж кончен год... А может быть, и стоит
Благодарить его за то, что он ушел.
Но где-то под ребром души кусочек ноет,
И руки, дрожь уняв, локтями держат стол.

Смещён был переход, вернее, незаметен,
Он залит был вином, как скатерть на столе.
А нынче новый год, и мне заплакать нечем,
Хотя зарыт мой год по всей моей земле.

* * *

Над темной водою канала
Замру, отраженья лова
Склонившегося фонаря
Над темной водою канала.

Висит полумесяц кривой
Над темной водою канала,
Как будто из пьесы другой,
Для празднества, для карнавала.

Над темной водою велик
Мой город, над темной водою,
Наверное, люди вели
Веками беседы с собою.

Над темной водою канала
Пульс времени бьется в висок.
Вся жизнь — только несколько строк
Над темной водою канала.

* * *

Сколько лет ремонтируют храм на Крови!
Сколько старых домов в состоянии ремонта!
Бедный город! Бюджет его, как ни крои,
Ничего не выходит, лишь зрелища, фронда.

Надоели туристы. Отвратны ларьки,
Что вцепились в усталую плоть наших улиц.
Стало модно кричать и лепить ярлыки.
Бесполезно. Мы просто в разруху вернулись.

Если можно украсть на мосту фонари,
Сделать Невский проспект пышной свалочной ямой,
Лучше просто молчать. Что здесь ни говори,
Город стал в мирозданье открытой раной.

И незрячие ринулись в поводыри.

* * *

Пока душа была оплетена
Тяжелыми и цепкими сетями,
Хотелось публикаций, встреч, вина,
Поездок и обмена новостями.

И в мысли прочно влезла суета.
Как ржавчина, она разъест успела
Язык и празднословные уста,
Разрушить непостоящее тело.

Пока жила, лукавому служа,
Духовный мир был скрыт, неосязаем.
Но зримый мир не стоит ни гроша.
А мы живем, мы ничего не знаем.

Мы думаем, что деньги, вещи, быт
Устроенный, престижная работа, —
Суть счастье. Это — плен, и он смердит.
Умрешь, не взяв с собою ни на йоту.

Пока душа была оплетена,
Я погибала, я была незрячей.
Прозрела. С глаз упала пелена,
И ничего уже та жизнь не значит.

МАМЕ

Разбирает она фотографий коробки
И зовет: «Хороша все же жизнь, посмотри!»
Вот пикник — и летят от шампанского пробки,
Вот она в тридцать восемь, вот я года в три.

Мама в прошлом блуждает и клеит альбомы,
Снова семьдесят лет пролистать торопясь,
Удержать огонек материнского дома,
Передать его мне, чтоб не смог он пропасть.

Ну а я? Ко всему равнодушна, увы,
И ничто не волнует меня в этом мире.
Род закончен на мне. От главы до главы
Возрождаюсь в Евангелие или Псалтири,
От кафизмы спеша до кафизмы другой.
А потом Жития и Апостол... Прости мя,
Моя милая мама... В ночи, над пургой
В поминальной молитве летит твое имя.

Я, постылая, вижу — альбомы в пыли,
Не смотрю фотографий, нужны лишь иконы.
Поклонюсь тебе, мама, до самой земли,
Чтоб во славу Творца класть земные поклоны.

* * *

Одна в промерзшем доме сижу, как бы прозрев.
Пускай звереет ветер и дождь по стеклам бьет.
Потерянные годы, жизнь, загнанная в хлев,
Наручники свободы, воспоминаний гнет.

И никому на свете я, видно, не нужна.
И не прочтет, наверно, никто моих стихов.
Условны связи с жизнью, задача решена,
Тем паче, ход событий и должен быть суров.

Но две души на небе меня, конечно, ждут,
Они меня не бросят — мой отец и мать.
И Господу нужна я, он выбрал мой маршрут,
Чтоб я Святаго Духа осилила стяжать.

* * *

Плачешь в сетях искушений, нечистая тварь.
Бьешься в когтях сатанинских, греша ежечасно,
И поделом, поделом... Не прочитан тропарь
Силам бесплотным. Избита душа и несчастна.

И поделом, поделом... Вразумляет тебя
Ангел-хранитель. Но ты, осознав вразумление,
Снова скользишь по наклонной, нещадно губя
Тленное тело и душу — источник нетленья.

Помыслы щедро всевает расчетливый враг.
Ты беседуешь с помыслом... В мире духовном
Хрупко и то, что построил, и каждый твой шаг
Хрупок. Смиряться, душа, стой на привязи овном.

Кайся, молись — и услышит смиренных Господь.
Лишь покаяньем возможно подняться из праха.
Как надоела ты — жадная, жалкая плоть,
Душу облекшая, словно гнилая рубаха.

Кайся, несчастная тварь, — что в твоём багаже?
Мерзость — от помысла тянется и — до поступка.
Плачь о своей, благодать потерявшей душе,
Зная, что в мире духовном все зыбко и хрупко.

* * *

Пятипалые кони скачут,
Пятипалые кошки воют...
Под Чернобылем чахнут дачи,
Новых дач уже не построят.

Вот и рушится мирозданье,
Разрастается лейкемия,
Видно, это заболевание
Над страной кружит, как стихия.

Пятипалые скачут кони,
Пятипалые воют кошки,
Радиация в каждой кроне,
В каждой ягоде, хлебной крошке.

Стал Чернобыль одной из трещин
В теле нашего государства,
Из которой страданья хлещут
И в которую льют лекарства.

И решаются сверхзадачи,
И почет воздают героям,
Но ужасные кони скачут
И несчастные кошки воют.

* * *

Стоит человек, словно полуразрушенный храм.
Душа не здорова, отравой пропитано тело.
Строитель грядущего — прошлый и нынешний хам,
Взращенный страной, где, как птицы,
свистели расстрелы.

Так сложно в сегодняшней жизни, где души вплелись
В политику будней, где мечутся дикие тени
Пророчеств, гаданий... Где смута идет, словно рысь.
Где бешено рушатся прежнего зданья ступени.
Так что же нам делать?
Всем миром упасть на колени.

* * *

Исковеркана жизнь. Нет, неправда, то верхний покров.
От нарывов, ударов — душа просветлела, окрепла.
Будет славен Господь ныне, присно, во веки веков!
Счастье Господа славить и мне, возрожденной из пепла,
Слишком щедро дается. И нету ни бед, ни обид.
Ни к чему распечатывать пыльные папки событий.
И кому интересно узнать, почему ты избит
Был бесовским отродьем, каких наглotalся наитий.

Равнодушны друг к другу. Зачем откровенничать нам,
Жалким людям? Рвать душу, греша еще паче?
Только Господу важен твой опыт и каждый твой шрам.
По делам нашим будем судимы, тогда и поплачем.

Затвори к себе дверь, и затепли свечу, и, молясь,
Плачь сейчас. Слава Господа, знай все место.
Я — никто и ничто. Но в молитве рождается связь
С Пресвятой нашей Троицей и неневестной Невестой.

* * *

Господи, да будет воля Твоя!
Через людей идут искушенья, соблазны,
Жужжанье словес, фальшивая галиматья
Суетных встреч и осуждений заглазных.

Бежим одиночеств, чтобы людей бежать
Пуще былого. Господь попускает утраты
Дружб и приятельств. Разве в миру стяжать
Духа Святаго? Встречи с людьми — чреваты...

Всяк человек — ложь, — вразумлял псалмом
Нас царь Давид. Оплетены паутиной
Лжи человеческой — улица, храм, дом...
Мы и вкушаем ее с простотой ослиной!

Всяк человек — ложь... Но стремясь войти
В стадо себе подобных, мы входим в сети,
Что с превеликим тщаньем для нас сплести
Враг исхитрился, и плачем потом, как дети.

* * *

Великий пост, семь медленных недель,
Дарованных тебе для покаянья...
Но многопопечительности шмель
Жужжит, стремясь отвлечь твоё внимание.

Всеваёт помыслы пустые подлый враг —
Попался ты, поддался празднословью...
Все схвачено: взгляд, жест, твой каждый шаг...
Известно, лишь смиреньем и любовью
Возможно победить и не пропасть.
Великий пост — дорога к очищенью.
Мир наступает, мир ощерил пасть.
Трезвись, душа, не стань его мишенью!

Великий пост, семь медленных недель
Великопостных служб, молитв усердных...
Так непомерна, так огромна цель
Пути, что не выдерживает сердце.

* * *

Если птица ручная назавтра окажется хищной,
Превращенье такое не сможет уже удивить.
Потому что вчера еще путник, просящий о пище,
Хлеб и кров получив, стал меня проклинять и хулить.

Отовсюду слётаются к дому тяжелые вести.
Он шагает и щедро чернит мою жизнь языком.
Что же сделаю я? — Пожелаю ему равновесья,
Пожалею, ведь сеющий зло — слеп в несчастье своем.

Но тревожная мысль продолжает и ночью, и денно
Мучить душу мою, объясненья поступкам ища.
Не хочу никогда (знаю, боль отойдет постепенно)
Видеть в агнце смиренном сокрытую суть палача.

* * *

Каюсь, Господи, в своих грехах без числа.
Каюсь, стыжусь каждого своего шага.
Каждого слова, ставшего лодкою без весла.
Высокоумных помыслов — наживки ловкого мага.
Манит в пропасть он, подталкивая грешить.
Вижу гибельность знаков тонкого мира.
Господи! Я пропадаю! Я не могу здесь жить!
Встречи с людьми, работа, дом, лира —
Все опостылело. Каюсь, что не хочу
Даже участвовать в этих опасных играх.
Бесы повсюду. Брань — слабым не по плечу.
Сколько сумею еще простоять на иглах?

Каюсь, Господи, мне не по силам брань.
Что бы ни сделала — враг уловляет сразу.
И кошмарами душит, сбирая дань,
И насыляет мыслей пустых проказу.
И нападает открыто через людей,
Ставших подвластными черным силам бесплотным.
Защити, Господи! Господи, пожалей!
Меня, под небом торчащую пугалом огородным.

* * *

Даже ничтожный помысел требует вразумленья.
Дух празднословия душу палит огнем.
Я согрешила — и поднялось давление,
И разболелось все в доме моем:
Шкаф и проигрыватель вмиг вышли из строя,
Падают, бьются чашки, краны текут...
Каждый раз повторяется та же история —
Чуть оступаешься — бес тут как тут.

Я согрешила — и поднялось давление,
Тяжесть в затылке, озноб, мрак...
Слава Тебе, Господи, за каждое вразумленье!
Сколь я ничтожна — не вразумлюсь никак.

* * *

Заболела подруга. Вдруг, в одночасье.
Тяжело заболела. А чем поможешь?
Знаем мы, зазубрили — не в деньгах счастье,
А в здоровье. Бежишь, висишь на подножке
Городского трамвая, в зверинец зданий
Входишь изо дня в день, чтобы здесь трудиться.
Счастье, может быть, в зелени веток ранней
Иль в способности хоть на часок влюбиться?
Впрочем, каждый свое избирает счастье.
О здоровье не спорят, оно — бесценно.
Заболела подруга. Вдруг, в одночасье.
И на жизнь в момент подскочили цены.
Затянулось небо. Как школьник в угол,
Я забьюсь, чтоб забыться. Забиты ставни.
За печной заслонкой — остывший уголь.
Что же станет с нею? Что с нами станет?
Мысли тлеют черными угольками.
Знаю я, на все есть Господня воля.
Но проходят дни и вяжут узлами
Нас с людьми, с кем мы съели полпуда соли.
Потому-то и видеть страданья близких
Тяжелей, чем взвалить на себя страданья.
С детства счастье дают нам, словно ириску,
Подсластить пытаюсь прозреньем, знаньем.

НАД ПРОЗОЙ ПЕТРАРКИ

Как долго Августин
С поэтом вел беседу!
А я брела по следу,
Но был туман густым.

Но чем я дальше шла,
Тем приходилось чаще
Мне проходить сквозь чащи,
Чтоб постигать слова.

Присматривалась к ним —
Стоял меж ними третий,
Горел огонь столетий
Светильником простым.

Там истина сама
Стояла между ними,
Ее твердили имя,
Она — их имена.

Шел долгий разговор
О смерти и о жизни,
О верности отчизне —
Идет и до сих пор.

* * *

Никого не сужу, никого не хочу поощрять
Переехать в Израиль, Преторию, Францию, Штаты...
Кто как может, копи капитал иль безудержно трать.
Мне известны вполне лишь мои примитивные траты.

И не нужен душе никакой комфортабельный щит
От безумного мира, где жизнь наша так быстротечна.
Не находят покоя среди небоскребов, дворцов, пирамид,
Но Господь никогда не бросает своих подопечных.

Удалось мне поездить по нашей великой убогой стране,
Полюбить ее сердцем, как любят ребенка больного.
Да и годы уходят... И все, что отпущено мне,
Здесь хочу отстрадать. Выбор сделан, не будет другого.

* * *

Одни уже страдают ностальгией
По родине, другие рвутся вон
Из Латвии, Армении, России...
Куда угодно — лишь бы за кордон.

Великое идет переселенье.
Единственная жизнь не велика.
Равны ли мы пред Богом от рожденья?
Ведь пропасть после смерти — глубока.

И разве разделяют континенты
Людей в коротком странствии земном?
Когда и жизнь, и смерть — одномоментны,
И все начнется только в веке том.

* * *

Дети первой волны эмиграции, два родных мои дяди,
два брата
Матери, оказались отколотыми от земли родной,
от семьи.
Студенты, белые офицеры, они и до революции жили
весьма не богато.
За что же пришла расплата? Просвети, Господи,
истиной осени!

Мыкались они, маялись — дети первой волны эмиграции. Старший осел в Югославии, младший уехал в Бразилию. А Россию накрыла лихая, крутая волна деградации. И постепенно страна процветающая превратилась в многомиллионную Бастилию. За первой волной эмиграции были вторая и третья... Идет наконец-то к закату беснующееся столетие.

* * *

Тир завлекает
Выстрелами ружей,
Магнитофонным ревом, полумраком.
А рядом — сад.
Узор чугунных кружев
Стал очевидным петербургским знаком.

Стреляем мы
В железные мишени,
Зверей и птиц, низвергнув,
Возрождаем.
А вслед за нами
Бесы мчатся в пене,
Но живы мы,
Пока их побеждаем.

Прицелясь в нас,
Они орут с надсадой.
Да не войти им
За ограду сада!

В ЛЕТНЕМ САДУ

Веток убранство багряными красками манит,
Но облетает листва, ковыляют деревья в тумане.
Сад и такой — беззащитный, вмурованный в осень,
Сердце щемит и знакомую радость приносит,
Словно живая душа здесь давно обитает —
Плачет, шумит, шелестит и стихи повторяет.

ЛИСТ

Был зелен этот лист, да пожелтел.
Потом его края коряво дождь изъел,
А ветер, налетев, поранил, искорежил,
Затем поддал ногой и придавил прохожий.

Лист, огоньком мелькни
В промозглый день осенний!
Мы тоже — огоньки,
И тоже — на мгновенье.

* * *

Красовался подберезовик, розовые сыроежки
Вдоль дороги зазывали нас, но оставили мы их.
Шли, о прошлом разговаривая, где мы были только
пешки,
И оттуда песня пошлая прорывалась, пошлый стих...

Сосны собирались рощами над землей замшелой,
плюшевой,
И цитировали прошлое мы с тобой наперебой.
Боже! Смилуйся над нашими бедными, больными
душами!
Столько пережито разного, что и в мыслях разнобой.

Боже, смилуйся над судьбами, искалеченными бесами,
В мире тьмы, с его научными и культурными прогрессами.

* * *

Веревочка времени вьется,
Идет игра в поддавки.
Вот мы и банкроты.
Лишь иногда удается
Постоять у реки,
Забыв заботы.
Вцепиться в решетку витую,
Увидеть иглу золотую
И небосвод...
Страшно подумать,
Какой нам предъявят счет.

* * *

Вдруг среди улицы, людского половодья
Со дна души поднимутся стихи.
Я память вскачь пущу и отпущу поводья,
Но в крик не закричу, пока глаза сухи.

Вдруг среди улицы, где до меня нет дела
Коляскам, сумкам, шапочкам цветным,
Где очередь-змея виляет сильным телом,
Я захлебнусь на миг пространством городским.

Но вот я поднимусь над реками, дворцами,
Над клерком, мчащимся от медного коня,
Над рок-ансамблями, колодцами-дворами...
Мои сограждане, я пролечу над вами —
Сейчас мне не до вас, и вам не до меня.

* * *

Холод ночной прошибает насквозь.
«Временный гость, ты здесь временный гость...» —
Шепчут в бессонной ночи голоса.
Меньше иллюзий, скупее слеза.
Освобождаясь от власти страстей,
Сосредоточась на жизни своей,
Видишь, как будто под новым углом,
Все, что сбылось и что будет потом.
Цельность приходит, а взгляд не потух.
Время питает и зренье, и слух.
Приобретается жизни ценой
Опыт небесный и опыт земной.

* * *

Столько явлено нам и чудес, и знамений,
Исцелений, пророчеств, деяний святых!
Твердокаменны мы, и года отступлений,
Мёртвость духа, трясина томящей нас лени,
Превращают людей не прозревших— в слепых.

Разжигает лукавый в душе маловерье.
Но когда осеняют Господнии перья,
То к тебе не приблизиться...
Трудно живем.
Путь открыт, но сквозь чащу спешим, напролом.

В ПСКОВЕ

I.

По Великой реке льдинки малые,
Прижимаясь друг к другу, шли.
Ледоход в феврале! Мама, мама моя, —
Ни воды без тебя, ни земли.

А повсюду собрания, выборы,
Пресса, радио, шум, азарт...
На дорогах сплошные выбоины,
Но в музеях (ура!) поп-арт.

«Еще будет похолодание...» —
Шепчет дьявол, кровь леденя...
Даже новое мироздание,
Если будет, — не для меня.

Говорят журналисты резвые,
Леваки, передовики...
Малой льдинкой, от всех отрезанной,
Вдоль Великой уйду реки.

2.

В скверике у памятника Кирову
В теплый день восьмого февраля,
Поняла я, что победа пиррова —
Жизнь литературная моя.

В чем победа? В том, что все же изданы
Книги и еще горит свеча...
Пиррова — поскольку только избранные
Дети времени услышаны, звучат.

Я сидела на скамейке в скверике,
Голубями щедро обжитом.
Вот оно — открытие Америки
Мимоходом, в городе чужом.

Пусть немного каждому отпущено —
Божьей волей рождены на свет.
Может быть, и впрямь для слова сущего?
Страшно даже думать, если — нет.

* * *

Я увидела Свет,
Я услышала Глас,
И тогда начала я писать под диктовку
Облаков и дождей, накрывающих нас,
Серый день натянув на себя, как спецовку.

И зачем-то некстати звонил телефон,
Приносил почтальон телеграмму из Пскова,
Холодильник рычал, разбивался плафон
Старой люстры, вводили соседа хмельного.

Шла обычная жизнь, но созрела душа,
Став свободной, она диктовала условия:
Пусть довольно для счастья двоих шалаша,
Нужен ей целый мир, оскудевший любовью.

* * *

Лишь теперь, когда выдался отпуск
После долгой работы вседневной,
Вдруг мой собственный жизненный опыт
Путь помог отыскать во Вселенной.

Оттого ли, что прежде не знала
Я такого большого досуга,
Оттого ли, что горечи жало
Возвращало и горечь недуга?

Как бы ни было, знаю отныне,
Что сокрытое вдруг прояснилось.
И никто этот свет не отнимет,
Эту боль, эту высшую милость.

* * *

Дрозды налетели, склевали крыжовник, умчались.
Хозяева плачут, кричат — ведь трудились, старались.
Они и живут, то батрача с утра, то печалась.
Состарились, но прижились в беззаконном сарае.

Дом — детям, крыжовник, конечно, и детям, и внукам.
Да разве дроздам объяснишь и догонишь ли птицу?
Хозяева, правда, привыкли за жизнь к оплеухам,
Но мята цветет, и березка у дома ветвится.

И два старика от зари до зари на участке
В земле копошатся. На птиц они сами похожи.
И тоже нуждаются в солнце, подкормке и ласке,
И доброе слово порой им бросает прохожий.

ЗАБЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

Неподалеку от избы последней,
Почти сойдясь с деревнею соседней,
И только полем ржи отделено
Да рыхлою проезжею дорогой —
Оно уже давно заселено,
И перезаселилось понемногу.
Висит калитка на одном гвозде,
Рассохлись доски скрюченной ограды,
А рядом огороды, рядом рады
Живой земле. И, кажется, в гнезде —
Огромном, обожженном и забытом —
Лежат холмы, как перья от птенцов,
А птицы улетели к землям сытым.
Дороги шли сюда со всех концов,
А нынче заросли. Лишь на проезжей
Крестьянин иль какой-нибудь приезжий
Покажется — и взгляд его скользнет
По кладбищу, и сердце вдруг сожмется...
И даже если плохо он живет,
Подумает, что хорошо живется.

БАБОЧКА

Прижалась бабочка к веселой ткани платья,
Приняв искусственный цветок за настоящий.
О, как легко ее могу понять я!
Вдыхаю запах корочки хрустящей
Румяных хлебов на холстах Машкова,
Цветами Катерины Белокур
Давно населены мои сады.
Но бабочка, ища цветка живого,
Уже вспорхнула. Мальчик-балагур
Помчался вслед за ней,
Как маленький злодей.
В руке его качается сачок,
Наверное, поймает, дурачок,
Потом засушит бабочку в альбоме.
Пойду и я. В пути напьюсь воды —
Мне кружку даст крестьянка Пиросмани,
И задержусь в гостеприимном доме.
Ах, если бы узнать, что будет с нами!
А впрочем, ничего не нужно, кроме
Того, что есть. Земной простор огромен.
Не попадись, как бабочка, в сачок,
Не попадись, как рыбка, на крючок,
Не пропади, душа, за пятачок!

Как наряды пестры! Замелькало в глазах, зарябило...
Хорошо быть здоровым, веселым и полным надежд.
На сиреновом небе коростой засохли чернила,
А в душе появиться успела огромная брешь.

Как наряды пестры! И стоит настоящее лето.
Да, нелепо — в такую жару поднимается жар.
И вопросы роятся и мечутся, рвутся ответы,
А подростки о жизни поют под бренчанье гитар.

Дом всей тяжестью давит на плечи... Бежит гимнастерка,
Я окликну солдата: «Скорее, дружок, помоги!»
Он не слышит. И вся моя жизнь — приставала, шестерка
Под ногами болтается. «Вот и молчи, и не лги!» —
Я себе говорю, повторяю: «Ни словом, ни взглядом
Никогда, никому — и себе не солги днесь и впредь!»
То, что жизнью казалось,

скорей плач о жизни с надсадом.
Покаянья хочу! Страшно так, в суете, умереть.

* * *

Больничный сад — обычный сад,
Деревья у ограды.
Жасмин, сирень, десяток гряд
С унылою рассадой.

Собаки возятся в углах
И ждут больницы пищи.
И люди в спущенных чулках,
Похожие на нищих.

И воздуха, и тишины,
И даже неба вдосталь.
Но звуки города слышны,
Когда раздвинешь доски.

Автобус полный промелькнет —
Подкатит горечь к горлу.
За пешеходом пешеход...
А ты стоишь, как голый,

И сущность жалкую свою
Всем телом ощущаешь.
Стоишь у жизни на краю —
И жизни не вмещаешь.

* * *

Боль прошла, и опять вдоль канала
По привычке идешь, как бывало,
Не спеша, и встречаешь мосты.
Постоишь у ограды, у храма...
Дни теперь, как пустые листы, —
Слишком поздно, а может быть, рано
Записать в них, что выстрадал ты.

* * *

Этот город — до камушка вымокший,
Долго будет проспекты сушить.
Ну, а дождь все идет. Словно вымерший,
Плачет город, чтоб снова ожить.

Я хочу только полною чашею
Одиночество горькое пить.
И к реке, называемой Пряжкой,
Приходить, приходить, приходить...

Где хочу, там и буду бродить
Иль порхать беззаботною пташкою.

* * *

Немотою подернуты стены домов,
А сады шелестят, да невнятна их речь.
Прорубили окно, не щадили голов,
Чтоб чужих привечать, а своих не жалеть.

Петербург, одиночество, бред среди дня...
О, вернитесь поэты в мой город больной!
Где была западня, где теперь западня,
Где над вами земля и петля надо мной.

Отшатнись от нее, от проклятой петли.
Ожидает лукавый, что вот — возропщу,
И сжимает он камень, что вложен в прашу...
Словно чайки, сидят вдоль Невы корабли.

* * *

Зачем мне эти платья
И этот мерзкий мир,
Тяжелый, как проклятье,
Заношенный до дыр.
Погрязший в бесовщине,
Рождающий разврат,
Мир Колымы, Катыни,
Предательств и утрат?
Повсюду вещи, вещи,
Нелепый, дикий быт...
Но свет небесный, вещий
И этот мир щадит.

* * *

По улице шагая, ты можешь сделать вид,
Что ты спешишь на ужин к любимым и друзьям.
О том, как одинок ты, ничто не говорит —
Ни сумка, ни сапожки, ни прочий разный хлам.

Настолько твой характер несносен и нелеп,
Что сам ты избегаешь застолий и людей,
Бесед про революцию, террор, декреты, нэп,
Про Сталина и Брежнева и крах былых идей.

Наверно, одиночество, прокралось, как микроб,
В сознание и кровь твою, и не найдешь лекарств
От алчного, гнетущего, вгоняющего в гроб,
Единственного нужного из всех земных мытарств.

* * *

Уходя от мира, умирая
Для него, не видя смысла в нем,
Словно хлам из старого сарая,
Хлам мирской в душе палишь огнем.

Мир лукав, к тому ж — опасно ходим,
Люди окружают и теснят.
Тикают заржавленные ходики,
Бьется сердце... Сколько лет подряд!

В Риме помнит кафе, где сидел Гоголь,
В Висбадене Достоевского знает игорный дом.
Флоренция дышит Данте, деревня, забытая Богом,
Живет есенинским словом, шагающим напролом.

Как видно, связуются времена, материя, люди,
Имена незабвенные и кровавый террор.
Кажется, жизнь твоя — только к жизни прелюдия,
Вот-вот из веков могучий вырвется к небу хор!

Но великие люди, словно великие вехи.
Служенье святителей прорежет любую тьму.
Век двадцатый кончается. Что пожнем в этом веке,
Посеявшем в человеке — создание Божьем, тюрьму?

* * *

Друзья проливали счастливые слезы,
Из Парижа приехав. Маленькие приключения
Смаковали. Застраили в них, как занозы
Впечатления.

Прощаясь, призывали в Париж поехать.
Словно целебный напиток, путешествие их взбодрило.
Я не сказала, что мне никуда не к спеху,
Покуда Господь освещает путь, и дает силы,
И раздвигает иного мира границы...
Дни очищаю молитвами.
Поднимаюсь, когда стою на коленях.
Разве могла я об этом друзьям проговориться?
Ведь мы в совершенно разных живем теперь измерениях.

* * *

Ветрено, как надоели мне эти ветра!
Маются, стонут деревья с утра до утра.
А по ночам, словно волчий взывающий вой,
Ветер у ставень мотив подвывает хмельной.
Печь не желает жевать — отсырели дрова,
Ветрено, зябко, и кру́гом идет голова.
Ветер, беспутник, с конторы сорвал алый стяг,
Ветер деревья легко превратил в доходяг.
Ветер! Уйми свою душу, приляг, отдохни —
И без того все короче и ночи, и дни.

* * *

Холодный день заката августа,
Дождь, сыро на сердце и сиро.
Нет дела до правленья Августа
И до сегодняшнего мира.

В природе полная анархия,
В империи — наполовину.
На ветку с ветки перепархивая,
Тоска удар наносит в спину.

Мне так наскучила политика,
Толпа, бушующие страсти...
А ветер мчится, словно с митинга,
Вкусив свободы новой власти.

* * *

За город увозят электрички с разбитыми стеклами,
С вывороченными сиденьями. Вагоны штурмом берут
Усталые люди, забитые буднями блеклыми.
Коммунисты грозят демократам мечами дамокловыми...
А впрочем, все надоело — быт, политика, труд...

Стало угрюмо, опасно в Питере вечерами.
Город встречает заколоченными мостами,
Пыльными львами,
Одинокими, никому не нужными стариками,
Биржами, акциями,
Презентациями...
Свинцовым небом, нависшим над нашими головами.

* * *

Возвращают храмы христианам.
Нехотя, но все же отдают.
Голодают женщины в Иваново,
Попранные камни вопиют.

Возвращенье храмов — добрый вестник,
Коль беда ступила на порог.
Долго гордо реял буревестник,
И оставил землю нашу Бог.

1989

* * *

Какое туманное, странное время... Утерян ли компас?
Россию хотят распродать зарубежным магнатам.
Везде колдуны, экстрасенсы... Энергия, космос...
И люди им верят, и платят загадочным магам.

Написано: многих сумеют прельстить лжепророки.
Расцвет чародейства — предвестник крушенья империй.
И мерзость пред Богом творят, умножая пороки,
Мои современники, жить не привыкшие в вере.

* * *

Иду, опустив голову долу,
Готовая перед Господом упасть ниц.
И слышу на каждом шагу: «Доллар, доллар...»
Из уст прежде всего юнцов и девиц.

«Доллар» — теперь ключевое слово
У нас, в многострадальной Руси.
Теперь, когда аргументы свинцовые
Самые веские. Прости нас, прости,
Господи! Разложения запах
Смердит, отравляет дни
Быстротекущие. Словно спрут, Запад
Хватает души, городит западни.

Никого не волнует Суд Божий.
Иду, опустив голову долу,
Сгорая от боли, — сквозь голоса прохожих,
На все лады повторяющих: «доллар», «доллар»,
«доллар...»

* * *

Лишь на миг уйду в пространство —
Мир души уравновесить.
Чтобы промолчать на хамство
И на подлость не ответить.

Эти университеты
Посложнее высшей школы.
Люди злобой подогреты,
Вот и жгут сердца глаголом.

* * *

Уже на улицах раздают листовки —
«Здесь, Христос! Поспешите!» Другие зовут: «Там!»
Приходят в белых одеждах обманщики и плутовки,
Пытаясь пленить души, врываются даже в Храм.

Идут в открытую, в точности по Писаниям.
Значит, время последнее? Сограждане, господа!
Благодарите Господа за каждый миг мироздания,
Молитесь, покуда в бездну не везут поезда.

* * *

Будущее — предсказуемо и компьютеризировано.
Человек — потребитель своих же смелых идей.
Но жизнь моя раньше кончится, она была
спроектирована

На нищий мир репрессированных,
дрожащих от страха людей.
Компьютеризация шагает в другом, параллельном мире,
Так мне кажется, настолько я к ней не готова.
А смерть уже близко, где-нибудь в полумиле,
И скоро душа не выдержит притяженья земного.

* * *

Обсуждая деда старого,
Раскудахтались соседки:
«Вот, мол, даже самовара нет,
Словно дрозд, сидит на ветке.
Что же может быть хорошего
У такого человека,
Не скопившего ни грошика
Для прожорливого века?»

Но закрыл он слух — не ведает
Липкой шелухи словесной,
Лишь духовными победами
Жив над немощью телесной.
К благодатной Богородице
Посылает он молитвы.
Мир земной — здесь все, как водится,
Мир воздушный — поле битвы.

МОЛИТВА

Светлая дева Мария,
Не оставь меня в час нужды.
Светлая дева Мария,
Не оставь меня в час вражды.
Не покинь меня в скорби
И в радости не покинь.
К помощнице скорой
Шагаю в песках пустынь,
По улицам миллионных,
Одетых в смог городов,
Среди коробок бетонных
И смрадных морских портов.
Средь смокингов, лимузинов,
Дворцов, зловонных трущоб...
Гайд-парк, бульвар Капуцинов,
Район московских «хрущоб»,
Литейный... К дверям собора
Приближусь — среди святынь,
Помощница скорая,
Рабы своей не покинь!

* * *

Светло на душе —
Как прекрасно прощать, не скупясь,
Ничего не оставив в себе,
Чтоб не вскрикнуть от боли.
Солнце щедро палит,
И весною выходят опять
В белый свет —
Почки, травы, цветы, а земля их качает в подоле.
Так и нам обновление дается,
Когда мы щедры.
Так и в нас просыпаются
Новые силы живые.
Я простила тебя
И прошу — о, прости меня ты,
Всех простила от сердца —
Простите меня, дорогие.

* * *

Нет оправданья растленной душе,
Нет порицанья — смиренной.
Град, словно россыпи, горки драже,
Голос пожарной сирены...

Зáстит дорогу разверзшийся град,
Ветер свирепствует лютый.
Город Петра, мой немыслимый град!
Здесь и дела, и маршруты.

Путь к покаянью сквозь годы потерь,
Опыт и крохи смиренья.
Только б войти через узкую дверь
К Господу, без преткновенья!

* * *

Каждый знает, что Христом живущий,
Крест несет. Мир этот всемогущий
Не его, ведь здесь его казнят.
Не ему искать земного рая...
Но, увы, на съездах заседая,
И монах сегодня — депутат.

Сколько было мучеников в Боге!
Населявших рудники, остроги,
Раненых, закопанных живьем...
Целый век стал для России — роком,
Кровь священников и кровь пророков
На любом из нас горит клеймом.

И теперь стремимся мы подняться,
Возвратить великие богатства
Веры, не ища других богатств.
Радость обретения и мука,
Покаяние, стяжанье духа —
Вот наш путь, другое — Бог подаст.

* * *

Стоит человек, словно полуразрушенный храм,
Душа не здорова, отравой пропитано тело.
Строитель грядущего — прошлый и нынешний хам,
Взращенный страной, где, как птицы,
свистели расстрелы.

Так сложно в сегодняшней жизни, где души вплелись
В политику будней, где мечутся дикие тени
Пророчеств, гаданий... Где смута идет, словно рысь,
Где бешено рушатся прежнего зданья ступени.

Так что же нам делать? —
Всем миром упасть на колени.

СОДЕРЖАНИЕ

1

«В давние годы я диктанты писала в школе...»	5
«Быстронога, черна печаль, как африканский бе- гун...»	6
«Украдкою, урывками писать...»	7
«Вечерней Невой надышаться успею...»	8
«Храм на Крови над темной водою канала...»	9
«Скоро будем платить по счетам, дни нещадно летят...»	10
«Разделив на двоих годы жизни, печальной и дикой...»	11
Старая женщина	12
Банковский мост	13
Счастье	14
«Опоздание на поезд чревато, чревато...»	15
Скорая помощь	16
«Славный трамвайчик бежит...»	17
Картинки из детства	18
Мамино платье	20
1950 год	22
«Детство твое — уродец...»	23

«Интернаты, спецшколы с английским, француз- ским уклоном...»	24
Папуас	25
Дневники старшеклассниц	27
На катке	28
«В душном спортзале провозглашались танцы...»	30
«Изменился даже образ, даже облик...»	31
«Ах, поблуждать бы, словно лет и не было...»	32
Дом	33
«Та квартира ничем хороша не была...»	34
На школьной лестнице	35
«Удивисься далекой любви романтической...»	36
«Старого человека называла учителем...»	37
Два четверостишия	38
«Эта улица никуда не выходит...»	39
«Зимним утром выйдешь из трамвая...»	40
«Написано много, да вовсе не тянет в редакции...»	41
Стихотворцы	42
«Думала, друга мне подарила дорога...»	43
«Я бы и двести лет тебе не писала...»	44
«О любви теперь не пишут, о любви не говорят...»	45
«Когда заходишь в кинотеатр днем...»	46
«Досадуем, брюзжим, умеем досаждать...»	47
Котенок	48
В дороге	49
«Я была далеко, но сегодня, как встарь...»	50
«Люблю выбегать на звонки...»	51
«Наконец, растерянных собратьев...»	52
«Как немного людей, с кем насытиться можно беседой...»	53
«Скрипит надоедливо дверь...»	54
«Вот и мы потеряли последних из самых близ- ких...»	55
«Из-за этих проклятых болезней весь март на клочки...»	56

«Программы радио, программы телевидения...»	57
«Переполненное метро, Невский, превращенный...»	58
«В зрелые годы тоже пугает сиротство...» . . .	59
«Итак, уж кончен год... А может быть, и стоит...»	60

2

«Над темной водою канала...»	63
«Сколько лет ремонтируют храм на Крови...»	64
«Пока душа была оплетена...»	65
Маме	66
«Одна в промерзшем доме сижу, как бы про- зрев...»	67
«Плачешь в сетях искушений, нечистая тварь...»	68
«Пятипалые кони скачут...»	69
«Стоит человек, словно полуразрушенный храм...»	70
«Исковеркана жизнь. Нет, неправда, то верхний покров...»	71
«Господи, да будет воля Твоя!...»	72
«Великий пост, семь медленных недель...» . . .	73
«Если птица ручная назавтра окажется хищной...»	74
«Каюсь, Господи, в своих грехах без числа...»	75
«Даже ничтожный помысел требует вразумленья...»	76
«Заболела подруга. Вдруг, в одночасье...» . . .	77
Над прозой Петрарки	78
«Никого не сужу, никого не хочу поощрять...»	79
«Одни уже страдают ностальгией...»	80
«Дети первой волны эмиграции, два родных мои дяди, два брата...»	81
«Тир завлекает выстрелами ружей...»	82
В Летнем саду	83
Лист	84
«Красовался подберезовик, розовые сыроежки...»	85
«Веревочка времени вьется...»	86

«Вдруг среди улицы, людского половодья...»	87
«Холод ночной прошибает насквозь...»	88
«Столько явлено нам и чудес, и знамений...»	89
В Пскове	90
«Я увидела Свет...»	92
«Лишь теперь, когда выдался отпуск...»	93
«Дрозды налетели, склевали крыжовник, умча- лись...»	94
Забывшее кладбище	95
Бабочка	96
«Как наряды пестры! Замелькало в глазах, за- рябило...»	97
«Больничный сад — обычный сад...»	98
«Боль прошла, и опять вдоль канала...»	99
«Этот город — до камушка вымокший...»	100
«Немотою подернуты стены домов...»	101
«Зачем мне эти платья...»	102
«По улице шагая, ты можешь сделать вид...»	103
«Уходя от мира, умирая...»	104
«В Риме помнит кафе, где сидел Гоголь...»	105
«Приятели проливали счастливые слезы...»	106
«Ветрено, как надоели мне эти ветра!...»	107
«Холодный день заката августа...»	108
«За город увозят электрички с разбитыми стек- лами...»	109
«Возвращают храмы христианам...»	110
«Какое туманное, странное время... Утерян ли компас?...»	111
«Иду, опустив голову долу...»	112
«Лишь на миг уйду в пространство...»	113
«Уже на улицах раздают листовки...»	114
«Будущее — предсказуемо и компьютеризиро- вано...»	115
«Обсуждая деда старого...»	116
Молитва	117

«Светло на душе...»	118
«Нет оправдания растленной душе...»	119
«Каждый знает, что Христом живущий...» . . .	120
«Стоит человек, словно полуразрушенный храм...»	121

Наталья Ивановна КАРПОВА
НАД ТЕМНОЙ ВОДОЮ КАНАЛА

Издание за счет автора

Редактор *Б. Г. Друян*
Технический редактор *Г. И. Огородник*
Корректор *В. И. Харламова*

Сдано в набор 23.11.93. Подписано в печать 28.01.94. Формат
70×108 1/32. Печ. л. 4,0. Тираж 1000 экз. Цена договорная. Зак. 348.

Издание ТОО «Журнал „Нева“»